

Два взгляда на одну проблему: Евразийский проект и «Один пояс — один путь»

Ху Яньли¹, Плебанек О. В.^{2, *}

¹ Яньчэнский педагогический институт, Яньчэнь, Китайская Народная Республика

² Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС, Санкт-Петербург, Российская Федерация;

* plebanek@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0184-7188>

РЕФЕРАТ

В статье сопоставляются теоретические основания этнокультурной политики в Евразийском регионе.

Цель. Цель, поставленная авторами, заключается в сравнении двух подходов в теории социальной динамики, на основе которой строится этнокультурная политика современных государств региона — России (СССР) и Китая.

Задачи. Выявление принципиальных различий в геополитических стратегиях, разработанных теоретиками евразийства и китайскими учеными.

Методология. В контексте реализации этой задачи — сравнение методологических оснований реальных политических проектов в евразийском пространстве, посредством логического анализа устанавливаются различия в теориях геополитической динамики, предложенной в евразийской концепции и в китайской науке. Метод сравнительного анализа этнокультурной и этно-экономической политики в Евразийском регионе двух наиболее влиятельных держав позволяет сделать вывод об адекватности реальным геополитическим процессам альтернативных теоретических концепций и их парадигмальных ограничений.

Результаты. Исследование показало, что концепция евразийской геоцивилизации, формировавшаяся как преодоление ограничения славянофильской версии российской цивилизации в условиях краха традиционных подходов в социальной теории и в контексте исторических коллизий начала XX в., имела позитивный потенциал, частично реализовавшийся в политике Советского государства. Но концептуальные ограничения, заложенные неадекватной теоретической базой — существующей на то время теорией цивилизаций, не позволили завершить формирование единого евразийского культурного пространства. Евразийское единство в лице Советского Союза скреплялось институциональными средствами, но не реализовалось как культурный синтез. Китайскими учеными был предложен альтернативный проект интеграции евразийского пространства «Один пояс — один путь», который начал реализовываться уже в XXI в. Этот проект строится на основе марксистской теории и концепций второй половины XX в., комплиментарных марксизму или являющихся неомарксистскими.

Выводы. Незавершенность и неустойчивость евразийского проекта в советской версии является следствием ограничений, заложенных в самой геополитической теории, не учитывающей позитивного потенциала марксистской теории и социальных концепций, разрабатывавшихся во второй половине XX в. Китайские ученые используют научный потенциал евразийства в интерпретации российского менталитета и рассматривают политику современной России сквозь призму евразийских коннотаций, но евразийство как геополитическая теория, по их мнению, не прошло проверки историей. Поэтому в основе китайской политики в евразийском пространстве положены другие теоретические основания — помимо классического марксизма, неомарксистские подходы. Китайские авторы заключают в связи с этим, что Россия все еще стоит перед проблемой выбора геополитической стратегии, что, в свою очередь, связано с парадигмальной неопределенностью российской науки.

Ключевые слова: цивилизационная динамика, евразийство, региональная этнополитика, «Один пояс — один путь», межкультурные взаимодействия, культурная идентичность

Для цитирования: Ху Яньли, Плебанек О. В. Два взгляда на одну проблему: Евразийский проект и «Один пояс — один путь» // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 118–129.

Two Views on One Problem: The Eurasian Project and “One Belt — One Road”

Hu Yanli^a, Olga V. Plebanek^{b, *}

^aYancheng Pedagogical Institute, Yuncheng City, People’s Republic of China

^bUniversity at the Interparliamentary Assembly of the EurAsEC; Saint Petersburg, Russian Federation;

* plebanek@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0184-7188>

ABSTRACT

The article compares the theoretical foundations of ethno-cultural policy in the Eurasian region.

Aim. The goal set by the authors is to compare two approaches in the theory of social dynamics, on the basis of which the ethno-cultural policy of the modern states of the region — Russia (USSR) and China — is based.

Tasks. Identification of fundamental differences in the geopolitical strategies developed by the theorists of Eurasianism and Chinese scientists.

Methods. In the context of the implementation of this task — a comparison of the methodological foundations of real political projects in the Eurasian space, through logical analysis, differences are established in the theories of geopolitical dynamics proposed in the Eurasian concept and in Chinese science. The method of comparative analysis of ethno-cultural and ethno-economic policies in the Eurasian region of the two most influential powers allows us to conclude that alternative theoretical concepts and their paradigmatic limitations are adequate to real geopolitical processes.

Results. The study showed that the concept of Eurasian geocivilization, which was formed as overcoming the limitations of the Slavophile version of Russian civilization in the context of the collapse of traditional approaches in social theory and in the context of historical collisions of the early twentieth century, had a positive potential, partially realized in the policy of the Soviet state. But the conceptual limitations imposed by the inadequate theoretical basis — the theory of civilizations existing at that time — did not allow the formation of a single Eurasian cultural space to be completed. The Eurasian unity represented by the Soviet Union was consolidated by institutional means, but it was not realized as a cultural synthesis. Chinese scientists have proposed an alternative project for the integration of the Eurasian space — the “One Belt — One Road”, which began to be implemented already in the XXI century. This project is based on Marxist theory and concepts of the second half of the twentieth century, complimentary to Marxism or being neo-Marxist.

Conclusions. The incompleteness and instability of the Eurasian project in the Soviet version is a consequence of the limitations inherent in the geopolitical theory itself, which does not take into account the positive potential of Marxist theory and social concepts developed in the second half of the twentieth century. Chinese scientists use the scientific potential of Eurasianism in interpreting the Russian mentality and consider the politics of modern Russia through the prism of Eurasian connotations, but Eurasianism as a geopolitical theory, in their opinion, has not passed the test of history. Therefore, Chinese policy in the Eurasian space is based on other theoretical foundations — in addition to classical Marxism, neo-Marxist approaches. The Chinese authors conclude, in this regard, that Russia is still facing the problem of choosing a geopolitical strategy, which in turn is due to the paradigmatic uncertainty of Russian science.

Keywords: civilizational dynamics, Eurasianism, regional ethnopolitics, “One Belt — One Road”, intercultural interactions, cultural identity

For citing: Hu Yanli, Plebanek O. V. Two Views on One Problem: The Eurasian Project and “One Belt — One Road” // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 118–129.

Введение

2021 г. XXI в. — символический рубеж, заставляющий осмыслить актуальные социальные трансформации и современные социальные процессы на двух уровнях, сопоставив их с макротеориями, на основании которых предполагалось строить социальные проекты. В 2021 г. исполнилось сто лет не только со времени образования Коммунистической партии Китая, идеология которой определила развитие и политику страны в долгосрочной перспективе. Тогда же началось становление идеологии и организационной деятельности евразийства в среде молодых российских ученых, эмигрировавших в годы Гражданской войны из молодой Советской Республики (Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский и др.).

Подходы в социально-историческом знании в российской и китайской науке

В данной статье представлен китайский взгляд на формирование связей между нациями в едином евразийском геополитическом пространстве.

В российском научном сообществе получили распространение два подхода к верификации макро-социальной динамики: формационный подход, согласно которому общества развиваются в ходе смены исторических эпох и их динамика детерминирована сменой социально-экономических структур, и цивилизационный подход, согласно которому государства в своем развитии зависят от интегрально выраженной цивилизационной специфики. Социально-политическая концепция евразийства, в свою очередь, ориентировалась на поиск альтернативного пути развития «России — Евразии», о чем подробно было изложено в недавно вышедшей книге «Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиной в век» [18].

Евразийство китайские ученые начали исследовать примерно с 1992 г., в этом году опубликована статья «Евразийство» на китайском языке — перевод статьи русского ученого П. Н. Савицкого [17, с. 68–72]. С этого времени Цзя Цзэлинь, Линь Шан, Сяо Бин, Бао Шифэнь и другие китайские ученые стали переводить труды евразийцев и вести самостоятельные исследования евразийского учения, начиная преимущественно с обзоров литературы в статьях и диссертационных исследованиях. Большинство китайских ученых (Чэнь Сюньмин, Су Жуйсюэ, Ву Юйсин, Сяо Цзиньбо и др.) сосредоточили внимание на выявлении причин возникновения евразийства. Китайские авторы разделяли евразийское движение на три этапа:

- классическое (1920-е — конец 1930-х гг.);
- гумилевское (китайские авторы относят его к концу 1930-х гг., когда под влиянием стали формироваться евразийские взгляды Л. Н. Гумилева);
- неоевразийство (с начала 1990-х гг.).

Китайские авторы рассматривают евразийство как одно из трех основных течений социально-политической мысли, наряду со славянофильством (в России) и атлантизмом (в англосаксонском мире). Евразийские исследования оказали влияние на китайских исследователей (Ян Миньминь, Ли Яцзюнь, Тан Шуай) русской художественной культуры, которые отмечают, что евразийское самосознание определяет и художественное мышление русских [12, с. 117]. Ян Миньминь в своем исследовании творчества А. С. Пушкина «Евразийское сознание в творчестве Пушкина» указывает, что уникальное географическое положение России оказало глубокое влияние на ее историческое движение и мышление народа, и его специфическое содержание можно проследить уже в поэзии основоположника русской литературы. Китайский ученый разделяет мысль евразийцев в том, что Россия является цивилизацией, отличной от атлантической и тихоокеанской, и что «нельзя слепо следовать за Западом, необходимо избрать путь интеграции восточной и западной культур» [27, с. 68]. Однако другие авторы, Ли Яцзюнь и Тан Шуай, не считают евразийство принципиально отличным от атлантизма и славянофильства и отмечают, что на

самом деле евразийство, как и славянофильство, и атлантизм в российской истории, является не чем иным, как попыткой самоидентификации России. За исключением того, что перспектива евразийства основана на подчеркивании особой геополитической основы трансевразийского континента России [13, с. 118].

Евразийство: взгляд из Китая

Китайские ученые сосредоточены, как отмечалось выше, на исследовании причин возникновения евразийства, его исторических предпосылок, на биографии основных представителей, а также они оценивают влияние евразийства как политического проекта в России. Главная ценность евразийства, считают китайские авторы, заключается в его уникальной культурной перспективе, а также в наследовании и развитии российских исторических, культурных и идеологических традиций. Но критикуют его в том, что с самого начала основания евразийства и до настоящего времени ему не хватало цельности и не было создано признанной единой и полной теории [20, с. 92]. Евразийство само по себе не является завершенной теорией, утверждает Бай Вэньчан, «оно похоже на грезу (мечту о социальном идеале), возникающую в ответ на ситуацию», тем не менее многие из его идей (евразийства) и методов исследования развития русской культуры заслуживают упоминания и принятия будущими поколениями [3, с. 106].

Как уже сказано, китайские исследования евразийства сосредоточены на истории учения и личностях его авторов, но вместе с тем евразийское понимание российской специфики проникло в сферу исследований современных политических процессов. В последние годы некоторые ученые выдвинули идею анализа деятельности современных политических лидеров сквозь призму евразийства. Начало такого подхода было положено Ван Чжэнцюанем, который считает, что идеи Путина отражают многие элементы традиционной русской культуры, среди которых очень четко прослеживаются культурные элементы евразийства [7, с. 58]. С ним согласны Ду Юйпэн и Цзнь Лидун, которые указывают, что такие факторы, как географическое положение, исторические события и религия, являются факторами, определяющими евразийскую культуру, а поэтому и мышление русских людей. Ученые полагают, что В. В. Путин является представителем евразийской культуры [9, с. 57] и влияние евразийских идей в его политической доктрине очевидно. Евразийская интерпретация путинской политики все больше привлекает внимание и стала предметом исследования Пэн Юнцзя, который обобщил китайские исследования евразийской концепции и политические реалии современности в магистерской диссертации «Евразийское мышление Путина и построение Большого Евразийского партнерства» [16].

До сих пор в Китае не ставилась задача теоретического анализа евразийской концепции, и в контексте анализа этой доктрины стоит обратить внимание на то, что в Китае совершенно иначе смотрят на проблему взаимодействия общественных систем. В исследованиях различных форм и тенденций межкультурных взаимодействий выделяются два основных подхода: концепция столкновения цивилизаций и концепция интеграции общественных систем. Несмотря на негативное отношение в целом, в китайской науке к цивилизационной парадигме, в XXI в. китайские авторы обращают более пристальное, чем ранее, внимание на цивилизационные концепции, но, рассматривая современные геополитические и социокультурные процессы, китайские ученые редко вдаются в теоретические вопросы, в основном сосредотачиваются на прикладных проблемах, на анализе политической конкретики. При этом наиболее цитируемым автором является С. Хантингтон и его «Столкновение цивилизаций». Китайские ученые в основном критично относятся к «теории столкновения цивилизаций» Хантингтона. Большинство ученых (такие как Чжоу Шаоцин, Дай Цзичэн, Тянь Вэньлинь, Лю Чжиган, Тао Фуюань, Цюань И, Линь Чэнь, Хань Сипин, Ван Сяобин, Цзинь Жуй, Сюй Цзюань, Янь Хэн) считают, что теория столкновения цивилизаций «скрывает гегемонизм, менталитет холодной войны и западный централизм». В понимании Ци Цяньцзинь, Бай Сюе, Цзо Тяньцюань суть теории столкновения цивилизаций заключается в расизме и эта концепция пропагандирует превосходство западной цивилизации. Чжоу Шаоцин¹ в статье «Между

¹ Чжоу Шаоцин — научный сотрудник Института этнологии и антропологии Китайской академии общественных наук. Основные научные интересы: китайская политика и международная политика; администрация и государственное управление.

различными цивилизациями нет конфликта» утверждает, что факты показывают: так называемый конфликт цивилизаций — это не более чем прикрытие истинных интересов западных стран или даже ложь, а то, что скрывается за ним, — «это экономическое разграбление, политическое угнетение и культурная гегемония» [25, с. 1].

В передовице влиятельной китайской газеты «Гуанмин жибао»¹ утверждалось, что «теория столкновения цивилизаций игнорирует исторические законы человеческого развития и прогресса во взаимодействиях между цивилизациями. Вместо этого она классифицирует страны по основным цивилизациям, игнорируя разнообразие и вероятность национальной идентичности. Даже в Соединенных Штатах теория столкновения цивилизаций не выдерживает критики «политической корректности»» [1]. Тянь Девен², комментируя книгу Хантингтона, пишет: «Теория столкновения цивилизаций — это ложная теория, которая не предвидит формы международных конфликтов в эпоху после окончания холодной войны и не проясняет общую тенденцию развития в эту эпоху. Кроме того, теория негативна и разрушительна на мировоззренческом уровне, и она оказывает огромное негативное влияние на построение нового мирового политического и экономического порядка» [21, с. 32].

Наиболее распространенную позицию выразил профессор Сюй Чжоуюнь, который подчеркивает, что история человечества изначально является процессом культурной интеграции и культурные контакты неизбежно ведут к культурным обменам. Сюй Чжоуюнь критикует концепцию замкнутых локальных цивилизаций и пишет, что общества «подобны двум встретившимся друзьям, которые обмениваются мнениями во время разговора, при этом они неосознанно принимают некоторые точки зрения другой стороны, но все развивают независимые идеи» [19, с. 197–198]. Китайская версия взаимодействия культур отрицает их конфликтную природу, она может быть названа интегративной концепцией взаимодействия. В исследовании, посвященном макрокультурным процессам, Ли Вэй и Цзян Сидин пишут, что между разными цивилизациями существуют различия, но эти различия не являются первопричиной конфликта, первопричина конфликта коренится в интересах и желаниях различных социальных или этнических групп, а равновесие достигается за счет общения, интеграции и взаимного уважения [Там же].

Обсуждая позицию китайской науки по отношению к концепции евразийства, следует сказать, что в китайской социальной науке не получили распространения цивилизационные теории общественного развития, хотя и позиция классической формационной теории претерпела изменения. В китайской социальной науке положительно восприняли мир-системный подход И. Валлерстайна, которого в западных академических трудах часто называют ученым «новых левых» или «неомарксистом». Современный мир-системный подход представляет собой комплекс, состоящий из трех основных измерений: экономики, политики и культуры. Объектом исследования мировой системы являются уже не отдельные страны, а общая социальная система, состоящая из разных стран в мире. Поскольку объекты его исследований изменились, он не может использовать традиционный метод, но применяет комплексный междисциплинарный подход. Методы исследования, предложенные Валлерстайном, открывают новые возможности для анализа проблем развития стран по всему миру. Китайские авторы считают, что мир-системная теория — это дальнейшее развитие теории мировой истории Маркса в новую эпоху. В противоположность цивилизационному подходу, развивая идеи И. Валлерстайна, в Китае полагают, что формирование мировой системы является неизбежной тенденцией общественного развития. Рассматривая современные западные социальные концепции, китайские ученые указывают, что теория модернизации не учитывает внешние факторы и международные отношения, в то время как теория мировой системы Валлерстайна чрезмерно подчеркивает роль внешних факторов и игнорирует или ослабляет роль внутренних.

¹ «Гуанмин жибао» издавалась с 1949 г. как официальный орган Демократической лиги Китая и печаталась в Гонконге, но с 1982 г. стала проводить линию ЦК КПК. С 1992 г. газета имеет свой сайт, являющийся одним из самых посещаемых в мире.

² Тянь Девен — доктор юридических наук, заместитель директора Института европейских исследований, заведующий кафедрой европейских исследований школы аспирантуры Академии общественных наук Китая, директор Исследовательского центра марксизма и европейской цивилизации, заместитель председателя обмена аналитических центров и сотрудничества в сети стран Центральной и Восточной Европы в Китае и специальный обозреватель Информационного агентства Синьхуа. Он был заместителем директора Бюро международного сотрудничества Китайской академии общественных наук. Основные направления исследований: политика Китая и международная политика, макроэкономическое управление и устойчивое развитие, реформа экономической системы.

Китайские ученые в основном поддерживают теорию мировой системы Валлерстайна, но есть и другие голоса. Например, Ван Хуа полагает, что недостатки мир-системной теории следующие: во-первых, теория мировых систем увязла в «структурном детерминизме», преувеличивая роль внешних структурных факторов, а обсуждение пути развития конкретных стран лишено присущей им объяснительной силы; во-вторых, теория мировой системы имеет окраску «экономизма» и игнорирует культурные факторы. В теории мировых систем, по мнению Ван Хуа, существует неверное понимание взаимосвязи между экономической и политической системами. Валлерстайн считает, что экономический статус страны определяет ее политический статус. И эта точка зрения противоречит тому, что, например, бывший Советский Союз (Россия) находится в положении мирового гегемона в политическом и военном отношении, но он не может пока войти в состав лидеров в отношении экономики. Ван Хуа считает, что Валлерстайн ошибочно включил социализм в капиталистическую систему и проигнорировал существование социализма [6, с. 74–75]. С ним согласен и другой китайский ученый — Го Шансинь, который также указывает на чрезмерное подчеркивание внешних факторов и игнорирование влияния внутренних факторов на развитие слаборазвитых стран, что является главным теоретическим недостатком мир-системного подхода в валлерстайновских рассуждениях [8, с. 36–38]. Таким образом, евразийская сущность России, на наш взгляд, может быть определена не через принципиально иное содержание культуры России как цивилизации, альтернативной Западу и Востоку, а через культурное взаимодействие. Так же может быть определено положение и других «больших» культур на евразийском континенте — арабского мира, индийского мира, японского мира, китайского и Юго-Восточной Азии — в каком-то смысле (политическом) они все являются оппозицией Западу (в его гегемонистском устремлении). Но все они в той или иной степени являются результатом взаимного проникновения западных элементов культуры в тело автохтонных культур евразийского континента, а также взаимного влияния друг на друга. В этом смысле Турция может быть интерпретирована как не менее евразийская, чем Россия. Но тогда в чем заключается «евразийскость»? Евразийцы категорично выступали против марксистской интерпретации истории, полагая, что интегрирующим началом выступает идеократическое государство, которое и объединяет культуру леса и культуру степи. Социально-экономический подход, к которому принадлежит и теория К. Маркса, и концепция И. Валлерстайна, предполагает, что главная роль принадлежит не пространству, а технологическому фактору. В соответствии с этой теорией Советский Союз построил свою политику индустриализации страны, которая опирается не на эфемерную концепцию «союза леса и степи», а на действенную теорию производительных сил. Евразийство русской культуры заключается лишь в том, что именно Россия, а не Турция или, например, Иран, к которому тяготели среднеазиатские окраины Российской империи, смогла стать интеграционным центром развития производительных сил региона. Но эта позиция может быть утеряна при неверно истолкованном тезисе соотношения идеократии и производительных сил. Во-первых, на роль руководящей идеи не может быть предложена религиозная идея, не разделяемая всем обществом; только гибкая научно обоснованная идея может лежать в основе проводимой политики и в основе национального самосознания. Научно обоснованная — чтобы учитывать реальные и актуальные факторы развития; гибкая, так как наука не догма, она развивается вместе с действительностью. Во-вторых, из научной теории вытекает, что объединяют людей технология и производительные силы. Тот лидер, который сумеет построить инфраструктуру, обеспечивающую развитие всех вовлеченных в процесс, тот и станет центром евразийской системы.

Китайская теория культурных взаимодействий в практике

Научной альтернативой «евразийской грезе» является предложенная правительством КНР концепция объединения евразийского пространства «Один пояс — один путь» (一帶一路一帶一路), которая представляет собой объединение двух инициатив: «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морской Шелковый путь XXI века». Эти инициативы были выдвинуты Председателем КНР Си Цзиньпином в сентябре-октябре 2013 г. во время визитов в страны Центральной и Юго-Восточной Азии. Этот проект более масштабен, чем предлагаемый евразийцами: он включает такие страны и регионы,

как Восточная Азия, Юго-Восточная Азия, Южная Азия, Западная Азия, Центральная Азия и Центральная и Восточная Европа. Но самое важное заключается не в этом. Интегративным механизмом китайской версии «евразийской грезы» выступает задача построения «сообщества интересов, сообщества ответственности и сообщества единой судьбы», чтобы принести действенную пользу странам-участницам и их народам. Но, в отличие от классической евразийской концепции, в которой основной акцент сделан на религию, и именно православие, китайская концепция евразийства в основу положила принцип, которым руководствовалось правительство Советского Союза.

Инициатива «Один пояс — один путь», отвечающая интересам всех сторон и трендам регионального и глобального сотрудничества, вызвала позитивную реакцию стран-участниц. Ее основой и целью является «сопряжение политических установок, соединение транспортных магистралей, расширение путей для торговли и движения капитала и сближение народов». В процессе реализации этого масштабного проекта Китай на июль 2021 г. подписал более 206 соглашений о совместном строительстве «Одного пояса — одного пути» со 140 странами и 32 международными организациями, расширив географию охвата с евразийского континента до Африки, Латинской Америки, Карибского бассейна, южной части Тихого океана. Более чем с 30 странами установлено институциональное сотрудничество в области наращивания потенциала, что способствует формированию новой модели открытости, на которую и направлена данная инициатива. Эта инициатива была поддержана международным сообществом, и ее положения вошли в текст важных документов и постановлений Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН, в частности в Резолюцию Совета Безопасности ООН № 2344 об укреплении регионального экономического сотрудничества в рамках реализации инициативы «Один пояс — один путь».

Хотя нынешняя глобальная эпидемическая ситуация является мрачной, процесс работы в рамках инициативы «Один пояс — один путь» не остановился. Целый ряд стран присоединился к проекту в 2021 г.: Сан-Томе и Принсипи, Буркина-Фасо, Республика Гвинея-Бисау, Центрально-Африканская Республика подписали меморандум о взаимопонимании по совместной реализации инициативы «Один пояс — один путь». 2 декабря 2021 г. в Пекине состоялся Торгово-инвестиционный форум «Один пояс — один путь», в котором приняли участие более 600 государственных чиновников, представителей бизнес-ассоциаций, известных предпринимателей и представителей соответствующих международных организаций из 77 стран.

Как только была предложена инициатива «Один пояс — один путь», она вызвала бурный отклик среди китайских ученых. В 2014 г. статьи, поддерживавшие эту великую инициативу, публиковались одна за другой. К 2017 г. в китайской авторитетной базе данных CNKI можно было найти 14 397 связанных статей по теме «Один пояс — один путь», в 2017 г. их уже было 18 302; на 30.11.2021 можно было найти 19 570 связанных статей, и исследование показало тенденцию к непрерывному росту.

После того как была предложена инициатива «Один пояс — один путь», китайское правительство немедленно приняло конкретные меры по реализации проекта, такие как создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Фонда Шелкового пути и т. д. 8 ноября 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин объявил, что Китай собирается внести 40 млрд долл. США в Фонд Шелкового пути. 29 декабря того же года Фонд был зарегистрирован в Пекине в форме компании с ограниченной ответственностью. Фонд действует под девизом «Открытость и инклюзивность, взаимная выгода и общий выигрыш» и кредитует средне- и долгосрочные проекты развития. Главным направлением деятельности Фонда является предоставление финансовой поддержки странам-участницам, находящимся в регионе Шелкового пути, в строительстве инфраструктуры, освоении ресурсов, сотрудничестве между производственными отраслями и др. проектами. Отношения Фонда с другими банками развития, имеющими глобальный или региональный многосторонний характер, строятся как взаимодополняющие, а не как подменяющие друг друга. Политика взаимодополнительности, а не смены социально-экономических институтов способствует интегративным процессам, снимая конфликтное напряжение, неизбежно возникающее в зонах «столкновения».

Инициатива «Один пояс — один путь» не только вызвала широкую реакцию среди лидеров, средств массовой информации, ученых и т. д. в различных странах, но и завоевала поддержку большинства

людей. Второй форум Саммита международного сотрудничества «Один пояс — один путь» проходил в Пекине 25–27 апреля 2019 г. Главы государств, правительств и другие лидеры из 37 стран приняли участие в Саммите за круглым столом форума. Президент Швейцарской Федерации, премьер-министр Малайзии, президент Таджикистана, президент Чехии, премьер-министр Италии также похвалили инициативу и выразили поддержку. Инициатива «Один пояс — один путь» — это «очень важный шанс» для всего мира. Широкое пространство для международных инвестиций и сотрудничества сделало инициативу очень важной для расширения возможностей достижения целей устойчивого развития и важной для расширения зеленого будущего [11]. Лидеры Сербии, Кении, Узбекистана, Филиппин, Кипра, Беларуси, Египта, Объединенных Арабских Эмиратов, Вьетнама, Венгрии и Малайзии выразили свою решительную поддержку инициативе и активно участвуют в сотрудничестве¹.

Что касается стран, вовлеченных в проект «Один пояс — один путь», то Монголия, Россия и страны Юго-Восточной Азии и Центральной Азии выказывают более высокое общее признание и заинтересованность в нем; за ними следуют страны Южной Азии и Центральной и Восточной Европы, однако страны Западной Азии и Ближнего Востока относятся к этому проекту более прохладно. И все же инициатива поддержана и признана большинством стран мира. Китай продемонстрировал свою надлежащую роль в качестве крупной страны в глобальной борьбе с новой эпидемией пневмонии, что еще больше повысило международное признание инициативы «Один пояс — один путь» [14, с. 67]. Успешное продвижение проекта не могло не повлиять на позицию критиков. Например, внимание «Асахи Симбун» к инициативе «Один пояс — один путь» сменилось с негативной тенденции освещения инициативы на нейтральную [23]. Основные средства массовой информации Сингапура, особенно средства массовой информации на китайском языке, такие как «Ляньхэцзаобао», как правило, дают положительные отзывы о проекте, и это создало благоприятную общественную среду для участия Сингапура в политике «Один пояс — один путь» [5, с. 43–52]. Пятилетняя история освещения сингапурскими СМИ инициативы «Один пояс — один путь» постепенно развеивает сомнения в том, что в соответствующих странах этот проект завоевывает доверие. Этот проект называется важной и позитивной мерой для руководства мировым развитием [2, с. 53]. Мартин Олброу, член Британской академии социальных наук и инициатор концепции «глобализации», отметил, что инициатива «Один пояс — один путь» является инклюзивной стратегией развития и ее жизнеспособность уже показана, а в постэпидемическую эпоху будет еще значительно больше [14].

Соответствующие опросы показали, что среди людей, которые имеют определенное представление об инициативе «Один пояс — один путь», 54% признают ее положительное влияние на региональную и глобальную экономику и более 42% из них считают, что реализация проекта поможет странам и регионам построить инфраструктурные взаимосвязи и будет способствовать инвестиционному и торговому сотрудничеству между странами и регионами вдоль маршрута (40%). Считают, что это перспективное глобальное общественное благо, 36%, и более половины зарубежных респондентов с нетерпением ожидают строительства «Один пояс — один путь», чтобы играть большую роль в бесперебойной торговле, среди них оценка развивающихся стран более позитивна, чем оценка развитых стран². Лидеры большинства стран в Центральной Азии в основном поддерживают более тесное экономическое сотрудничество с Китаем и положительно отреагировали на инициативу «Один пояс — один путь».

Но, как следует из теории, конфликт возникает не на цивилизационных, культурных границах, а в связи с экономическими интересами различных социальных групп. Увеличение числа китайских деловых операций и приток рабочей силы вызвали негативную реакцию в Кыргызстане, Узбекистане, Таджикистане и других странах [15, с. 1–26]. Иранская политика, СМИ и научные круги в основном поддерживают инициативу «Один пояс — один путь», но все еще существуют неопределенности в отношении участия в проекте Ирана, который больше обеспокоен китайско-пакистанским экономическим

¹ Си Цзиньпин отдельно встретился с некоторыми национальными лидерами, присутствующими на Втором форуме Саммита международного сотрудничества «Один пояс — один путь» // Сеть «Синьхуа». 26.04.2019 (习近平分别会见出席第二届“一带一路”国际合作高峰论坛的部分国家领导人, 新华网2019年4月26日).

² Отчет о глобальном обзоре национального имиджа Китая за 2019 г. [Электронный ресурс] // Институт современного Китая и мира. URL: <http://www.accws.org.cn/achievement/202009/p020200915609025580537> (当代中国与世界研究院《中国国家形象全球调查报告 2019》) (дата обращения: 01.04.2022).

коридором в процессе сотрудничества, отношениями между портами Гвадар и Чабахар, а также вопросами безопасности Цифрового Шелкового пути [22].

Исходя из национальных интересов и идеологических позиций США, которые имеют свои экономические интересы в регионе и которым невыгодно укрепление геополитического конкурента, освещение инициативы «Один пояс — один путь» в «Нью-Йорк таймс» было предвзятым, и многие из них были намеренно неверно истолкованы. Так, газета «Нью-Йорк таймс» попыталась придать инициативе «Один пояс — один путь» негативный оттенок и использовала ее для создания образа Китая, расширяющегося за рубежом [25, с. 138]. «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс» сравнивают «Один пояс — один путь» с «Планом Маршалла» Соединенных Штатов [24], и их риторика колеблется от вопросительной до негативной. Сравнение это недалеко от истины: интегративные процессы основанием имеют экономические структуры, а не метафизическую близость; и в том и в другом случае создается общая система интересов, а конфликт лежит не на границах цивилизаций, а на границах интересов.

Заключение

Сравнивая китайский подход к социокультурным процессам и подход, предложенный российскими учеными в рамках концепции евразийской цивилизации, нам представляются важными следующие положения.

1. Евразийцы полагали, что культуру определяет этно-религиозный фактор. Основой евразийской культуры, полагали они, является славяно-тюркский союз и православная религия, поэтому евразийское государство должно быть теократией.

2. Евразийцы настаивали на замкнутом характере цивилизаций, на которых культурные заимствования оказывают негативное влияние. Такой взгляд согласуется с более поздней концепцией столкновения цивилизаций С. Хантингтона.

3. Они считали, что Россия-Евразия противоположна и Западу (Европе), и Востоку (всем восточным культурам, не только Китаю) и что ее культурное и политическое развитие должно протекать согласно этому положению.

Китайская социальная теория имеет другой взгляд на эти вопросы.

1. Согласно марксистской теории, которая имеет подтверждение историей, культура меняется под воздействием технологического фактора. Европейскую цивилизацию правомерно называют романо-германским миром, так как романский и германский этнические компоненты составляют целостный синтез с единым мировоззренческим христианским основанием, тогда как в России тюркские народы большую часть истории были «инородцами», а официальной религией было православие, тогда как ислам был лишь разрешенной религией. Вместе с тем не общая религия, а общие производительные силы образовали советское общество, которое неоевразийцы считали воплощением евразийской культуры.

2. Китайская наука не поддерживает идею конфликта и замкнутости цивилизаций. Проект «Один пояс — один путь» дает достаточно фактов, подтверждающих концепцию позитивных культурных взаимодействий, когда культура Китая проникает в культуры других обществ, обогащая и содействуя развитию народов.

3. Проблема России не в том, что она не Запад и не Восток. Проблема России в том, что ее мыслители пытаются понять Россию через противопоставление Запада и Востока, тогда как понять Россию возможно через осмысление множественности технолого-экономических укладов.

Китайский ученый Ду Юйпэн в своей монографии «Потерянный или возрожденный: Исследование культурных и идеологических веяний российского евразийства» указывает на двойственный характер российской культуры. Но видит эту двойственность иначе, чем это видели евразийцы: «русская культура всегда была запутана в противоречиях между традицией и современностью, локальным и экзогенным, личностью и универсальностью». Он видит причину этой двойственности не в этнокультурном «союзе леса и степи», а в динамике культурных процессов. Он пишет, что «Исторически сложилось так, что российское общество всегда находилось в эпицентре постоянных изменений и преобразований, и, соответственно, культура всегда казалась потерянной в процессе социального развития, что привело к то-

му, что российская нация оказалась в процессе поиска своего особого культурного позиционирования, которое может быть согласовано со всем российским обществом». Профессор Ду Юйпэн считает, что евразийцами не решена проблема российской идентичности и поэтому «Неотложной задачей, стоящей перед Российским институтом культуры и философии, по-прежнему является установление культурной идентичности русской нации с точки зрения философии. Это чрезвычайно сложный и неопределенный мыслительный процесс. Возникновение и трансформация различных культурных тенденций в постсоветскую эпоху в определенной степени подтвердили этот процесс» [10, с. 227].

Литература

1. Абсурдная «Теория столкновения цивилизаций». Гуанминжибао. 16.05.2019, издание-007 (荒唐的“文明冲突论”愚蠢的强权霸道心态. 光明日报. 2019年5月16日. 第007版. 第1页).
2. Анализ отчетов сингапурских СМИ «Один пояс — один путь» (2013–2017) : магистерская диссертация / Гуансийский университет (新加坡媒体的“一带一路”报道分析---基于《海峡时报》(2013–2017)的研究. 广西大学硕士学位论文. 第53页).
3. Бай Вэньчан. Краткий анализ теории российского евразийства // Вестник Института иностранных языков НОАК. 2002 (白文昌. 俄国欧亚主义学说浅析. 解放军外国语学院学报. 2002年. 第106页).
4. Ван Сюэдун. Исследование международного признания инициативы «Пояс и путь». Исследование мирового социализма. 2020 (王雪冬.“一带一路”倡议的国际认同度研究. 世界社会主义研究. 2020. 第67页).
5. Ван Ху, Ли Минцзян. Поддержка, участие и координация: роль Сингапура в реализации инициативы «Один пояс — один путь». Исследование проблем Наньяна. Выпуск 4. 2016 (王虎. 李明江. 支持、参与和协调: 新加坡在实施“一带一路”倡议中的作用. 《南洋问题研究》2016年第4期. 第43–52页).
6. Ван Хуань. Краткий анализ теорий мировой системы Валлерстайна. Обучение теорий. 2011 (王欢. 浅析沃勒斯坦的世界体系理论. 学理论. 第75页. 2011).
7. Ван Чжэнцунь. Мышление Путина в инициативе евразийства // Газета общественных наук. 2013 (王正泉. 普京新谱“欧亚主义”. 社会科学报. 第58页. 2003).
8. Го Шансинь. Краткий обзор взгляда Валлерстайна на «Мировую систему». Социальная наука Цзянси. 2000 (郭尚鑫. 简评沃勒斯坦的“世界体系”观. 江西社会科学. 2000. 第36页).
9. Ду Юйпэн, Цзнь Лидун. Анализ евразийских культурных элементов в мышлении Путина. Теоретическое наблюдение. 2015 (杜宇鹏. 秦立东. 普京思想中的欧亚主义文化元素探析. 理论观察. 第57页. 2015).
10. Ду Юйпэн. Потерянный или возрожденный: исследование культурных и идеологических веяний российского евразийства. Издательство Хэйлунцзянского университета, Издательство Пекинского университета. 2018.
11. Иностранные лидеры высоко оценили инициативу «Пояс и путь» // Ежедневная газета Китая. 26.04.2019 (中国日报网 2019年4月26日外国领导人对“一带一路”竖起大拇指).
12. Ли Яцзюнь, Тан Шуай. Историко-культурный анализ российского евразийства. Русская литература и искусство. 2013 (李雅君. 唐帅. 俄罗斯欧亚主义思潮的历史文化探析. 俄罗斯文艺. 2013. 第117页).
13. Ли Яцзюнь, Тан Шуай. Историко-культурный анализ российского евразийства. 2013 (李雅君. 唐帅. 俄罗斯欧亚主义思潮的历史文化探析. 俄罗斯文艺. 2013. 第118页).
14. Мартин Олброу. Перспективы инициативы «Один пояс — один путь» в постэпидемическую эпоху будут лучше / перевод с англ. Сюй Баофэн. Гуанминжибао. 27.05.2020 (【英】马丁阿尔布劳. 徐宝锋译. 后疫情时代“一带一路”倡议的前景会更好. 《光明日报》2020年5月27日).
15. Мяо Ци. Инициатива «Один пояс — один путь»: управление ожиданиями, избегание рисков и стратегическое реагирование. Всемирный экономический и политический форум. Выпуск 3. 2017 (苗吉: «“一带一路”倡议: 预期管理、风险规避及战略应对»《世界经济与政治论坛》2017年第3期第1–26页).
16. Пэн Юнцян. Мышление евразийства Путина и построение Большого Евразийского партнерства : диссертация магистра / Институт дипломатии. 06.30.2021 (彭永强. 普京欧亚主义思想与大欧亚伙伴关系建构. 硕士学位论文. 外交学院. 2021年6月30日).

17. *Савицкий П. Н.* Евразийство. Серия философских переводов / перевод Фэн Вэнь. 1992 ([*俄*]萨维茨基. 封文摘译. 欧亚主义. 哲学译丛. 1992年. 第68–72页).
18. Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век (к 100-летию образования СССР и становления евразийства) : коллективная монография / под ред. д. филос. н., проф. И. Ф. Кефели; предисловие академика РАН С. Ю. Глазьева. СПб. : Петрополис, 2022. 532 с.
19. *Сюй Чжоюнь.* «Китайская культура и мировая культура». Издательство культуры Гуйчжоу. 1997 (许倬云. «中国文化与世界文化». 贵州文化出版社. 1997年. 第197–198页).
20. *Сяо Цзиньбо.* Вдохновение и размышление об истории развития российского евразийства // Газета социальных наук Цзямусыского университета. 2010 (肖金波. 俄罗斯欧亚主义发展史的启示与反思. 佳木斯大学社会科学学报. 2010年. 第92页).
21. *Тянь Девень.* В чем ошибка «Столкновения цивилизаций». Издательство: Народный форум. 2019 (田德文. “文明冲突论”错在哪里. 人民论坛. 2019年. 第32 页. 32–34).
22. *Хуан Юйхао.* Исследование понимания Ираном инициативы «Один пояс — один путь» : магистерская диссертация (黄宇豪. 伊朗对“一带一路”倡议的认知研究. 硕士学位论文).
23. *Чжао Хунсян.* Когнитивный анализ инициативы «Пояс и путь» японских СМИ — на примере сообщений «Асахи Симбун» : магистерская диссертация / Цзилиньский университет (赵鸿样. 日本媒体对于“一带一路”倡议的认知分析—以《朝日新闻》报道为例. 硕士学位论文. 吉林大学).
24. *Чжоу Кун.* Исследование стратегий одомашнивания СМИ в отчете «Один пояс — один путь» в США. Основано на исследованиях на официальных сайтах «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк Таймс» 05.2020 (周坤. 美国“一带一路”报道中的媒介驯化策略研究. 基于对《华盛顿邮报》和《纽约时报》官网报道的研究. 2020年5月).
25. *Чжоу Шаоцин.* Между различными цивилизациями нет конфликта // Газета китайской нации. 21.05.2019. (周少青. 各种文明本没有冲突. 中国民族报. 2019年5月21日. 第1页).
26. *Юань Чжоси, Цзэн Яньчунь.* «Построение китайского повествования в западной отчетности» — в качестве примера возьмем отчет «Один пояс — один путь» // Нью-Йорк Таймс (袁卓喜. 曾艳春. «西方报道中的中国叙事建构»—以《纽约时报》“一带一路”报道为例. 第138页).
27. *Ян Миньминь.* Евразийское сознание в творчестве Пушкина. Русская литература и искусство. 2021 (杨明明. 普希金创作中的欧亚主义意识. 俄罗斯文艺. 第68页. 2021).

Об авторах:

Ху Яньли, старший преподаватель Яньчэнского педагогического института (Яньчэн, Китайская Народная Республика), кандидат культурологии; huyanlimasha@yandex.ru

Плебанек Ольга Васильевна, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской ассамблее ЕвразЭС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; plebanek@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0184-7188>

References

1. The absurd “Clash of Civilizations Theory”. Guangmingribao. 05/16/2019, edition-007. (In Chin.)
2. Analysis of the reports of the Singaporean media “One Belt — One Road” (2013–2017) : master’s thesis / Guangxi University. (In Chin.)
3. Bai Wenchang. Brief analysis of the theory of Russian Eurasianism // Bulletin of the PLA Institute of Foreign Languages. 2002. (In Chin.)
4. Wang Xuedong. A Study on International Recognition of the Belt and Road Initiative. The study of world socialism. 2020. (In Chin.)
5. Wang Hu, Li Mingjiang. Support, participation and coordination: the role of Singapore in the implementation of the Belt and Road Initiative. Study of the problems of Nanyang. Issue 4. 2016. (In Chin.)

6. Wang Huan. Brief analysis of Wallerstein's world system theories. Teaching theories. 2011. (In Chin.)
7. Wang Zhengquan. Putin's thinking in the Eurasian initiative // Newspaper of social sciences. 2013. (In Chin.)
8. Guo Shanxin. A brief overview of Wallerstein's view of the "World System". Social Science Jiangxi. 2000. (In Chin.)
9. Du Yupeng, Jin Lidong. Analysis of Eurasian cultural elements in Putin's thinking. theoretical observation. 2015. (In Chin.)
10. Du Yupeng. Lost or Reborn: A Study of the Cultural and Ideological Trends of Russian Eurasianism. Heilongjiang University Press, Peking University Press. 2018.
11. Foreign Leaders Appreciate the Belt and Road Initiative // China Daily Newspaper. 04/26/2019. (In Chin.)
12. Li Yajun, Tang Shuai. Historical and cultural analysis of Russian Eurasianism. Russian literature and art. 2013. (In Chin.)
13. Li Yajun, Tang Shuai. Historical and cultural analysis of Russian Eurasianism. 2013. (In Chin.)
14. Martin Albrow. The prospects for the Belt and Road Initiative will be better in the post-epidemic era / transl. from English Xu Baofeng. Guangmingribao. 05.27.2020. (In Chin.)
15. Miao Ji. Belt and Road Initiative: Managing Expectations, Avoiding Risks and Strategic Responses. World Economic and Political Forum. Issue 3. 2017. (In Chin.)
16. Peng Yongqiang. Putin's Eurasian Thinking and Building the Greater Eurasian Partnership: Master's thesis / Institute of Diplomacy. 06.30.2021. (In Chin.)
17. Savitsky P. N. Eurasianism. A series of philosophical translations / translated by Feng Wen. 1992. (In Chin.)
18. Soviet civilization and the Eurasian idea: two centuries-long stories (to the 100th anniversary of the formation of the USSR and the formation of Eurasianism): a collective monograph / ed. by prof. Kefeli I. F.; foreword by Academician of the RAS Glazyev S. Yu. Saint Petersburg : Petropolis, 2022. 532 p. (In Rus.)
19. Xu Zhoyun. "Chinese Culture and World Culture". Guizhou Culture Publishing House. 1997. (In Chin.)
20. Xiao Jinbo. Inspiration and reflection on the history of the development of Russian Eurasianism // Newspaper of Social Sciences of Jiamusi University. 2010. (In Chin.)
21. Tian Deven. What is wrong with "Clash of Civilizations" Publisher: People's Forum. 2019. (In Chin.)
22. Huang Yuhao. Exploring Iran's Understanding of the Belt and Road Initiative: Master's Thesis. (In Chin.)
23. Zhao Hongxiang. A Cognitive Analysis of the Belt and Road Initiative of the Japanese Media—on the Example of Asahi Shimbun Messages : Master's Thesis / Jilin University. (In Chin.)
24. Zhou Kun. A Study of Media Domestication Strategies in the One Belt, One Road Report in the United States. Based on research on the official websites of The Washington Post and The New York Times 05.2020. (In Chin.)
25. Zhou Shaoqing. There is no conflict between different civilizations // Newspaper of the Chinese Nation. 05/21/2019. (In Chin.)
26. Yuan Zhoxi, Zeng Yanchun. "Building a Chinese Narrative in Western Reporting" — Let's take the One Belt, One Road report as an example // New York Times. (In Chin.)
27. Yang Mingmin. Eurasian consciousness in the works of Pushkin. Russian literature and art. 2021. (In Chin.)

About the authors:

Hu Yanli, Senior Lecturer of Yancheng Pedagogical Institute (Yanchen, People's Republic of China), PhD in Cultural Studies;
huyanlimasha@yandex.ru

Olga V. Plebanek, Associate Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the University at the Interparliamentary Assembly of the EurAsEC (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor;
plebanek@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0184-7188>